

МИРОВОЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ФОРУМ «ДИАЛОГ ЦИВИЛИЗАЦИЙ» X ЮБИЛЕЙНАЯ СЕССИЯ 3-8 октября 2012 г., о. Родос, Греция

Александр Неклесса

председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации,
член бюро Научного Совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН,
заместитель генерального директора Института экономических стратегий,
директор Центра геоэкономических исследований ИАФРАН (Лаборатория «Север–Юг»)

ТРАНСФОРМАЦИЯ БУДУЩЕГО *

Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о естественном

человеке и прогрессе: путь, ведущий от декларации «смерти Бога» к провозглашению «смерти человека». И восстанию элит... Из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни и удержания ада, цивилизация переходит к многолюдному обществу, где прежние ценности ставятся ни во что, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: глобальная трансформация, кризис, постсовременность, постсекулярность, секулярность, христианство, модернити, этатизм, поздний индустриализм, метаполис, индивидуация, Новый Север, Глубокий Юг, трансэкономические мотивы, комплексность, антропо-социальные структуры, Лапутания, прекарии, мирвой андеграунд, культура смерти, цивилизация смерти, сингулярность.

I. ПРИШЕСТВИЕ ПОСТСЕКУЛЯРНОГО МИРА

Ultima Cumaei venit iam carminis aetas;
magnus ab integro saeculorum nascitur ordo ([†]).
Jam redit et Virgo, redeunt Saturnia regna,
jam nova progenies caelo demittitur alto.
Virgil

Уважаемый господин председатель, коллеги, дамы и господа,
некто из древнегреческих мудрецов, пребывая в предсмертной тоске, на вопрос о причинах страха, якобы ответил: «*боюсь, что предо мною то, о чем я ничего не знаю*». Сегодня мы констатируем все более явное присутствие в социальной и культурной ткани пост-просвещенческого дизайна, но что именно знаем о *настоящем настоящем*, каковы его «гештальт и контент»?

* © 2012, Александр Неклесса

[†] «Сызнава ныне времен зачинається строй величавый» (пер. С. Шервинского)

Прочерчивая контур туманной галактики, обнаруживаешь фрагменты обширного панно, однако полноценное описание новой эры, опознание настоящего имени сомнительно – это мерцающая реальность, смысловое облако. И криптографическая сумятица: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное/комплексное – все лишь обертки содержания. Всплывают результаты размышлений, фиксирующие двойственный облик этой реальности: общество доверия и его антипод – контрактный мир, атомизированная реальность и общество участия, социум энигматичный и прозрачный, общество спектакля, мир игры, общество риска etc. Особый вокабулярий темы фиксирует настороженность в отношении перспектив: неосредневековье, цивилизация смерти, постцивилизация, апостасия... Так что речь идет о пороговой интуиции, и рассуждение мое скорее о кризисе перехода, о симптомах и версиях строя по ту сторону постиндустриального барьера.

Впрочем, можно уже сейчас содержательно обсуждать аспекты грандиозной трансформации: исторический, политический, экономический, культурный, творческий, методологический, аксиологический, философский, теологический, антропологический, прогностический... Констатируя тем самым системный характер кризиса Модернити.

Обильная феноменология транзита умножается. Мозаика *другого* включает трансформацию городской культуры (явление метаполиса), сдвиги в мироустройстве, правовых отношениях, глокализацию, деэтатизацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, форматы капитализации, удельный вес нематериальных активов, провокативные практики *goodwill*, дигитальную культуру, общий культурный переворот. В плаценте строя вызревают антропосоциальные организмы (АС-структуры), оперирующие экзотичными средствами господства, самоподдерживающиеся интеллектуальные системы (SAI), мутирующие в сложноподчиненные сообщества программ. Происходит смешение черт массового общества с индивидуацией, прописей антиутопии с транспарентностью, происходит трансмутация всех и всяческих норм.

Одно из направлений декодирования мозаики феноменов, тенденций, парадоксов – размышления о *постсекулярном мире*.

«НЕ МИР, НО МЕЧ»

Секулярность рассекает бытие на сепаратные пространства, разделяя примордиальные воды человеческого общежития.

Отделяя *временно́е* (т.е. пребывающее во времени, подвижное, вре́менное) от *вечного*, но подменяемого статикой *нормативно-привычного* – и отчуждая правопорядок от тотальности метафизической традиции (т.е. действуя как своеобразная социальная бритва Оккама), секулярность обосновывает автономность публичной сферы от конфессионально-правовых регуляций, легализуя ее независимость.

Перенаправление юридических и политических функций от религиозных институций к обществу и государству избавляет от традиционалистской опеки и клерикального патернализма, прививая склонность к самостоянию. А частичная стерилизация картины мира дискредитирует суеверия, индуцируя тягу к «совершеннолетнему бытию». Свободный

(самостоятельный) выбор миростроительных прерогатив является скорее опытом *взросления*, т.е. развитием во времени, нежели репликацией горизонтальности бытия: *размножения*, экспансии в пространстве. Тем самым ограничивается власть сложившегося, освященного веками порядка вещей. Ответственность за смысловую позицию, жизненный маршрут переходит к личности, становится зоной персонального онтологического риска. Человеку предлагается пройти сквозь акт второго, осознанного рождения как личности.

Отпочковываясь от бессознательно реплицируемых «провиденциальных рескриптов», освобождаясь от институциональной мимикрии – в сущности, меняя унаследованные от седой древности доминанты и саму геометрию общественной архитектуры – секулярность придает коммуникациям/действиям специфический импульс, оставляя в теле человечества занозу, провоцирующую исследовательский пыл и желание перемен. А в итоге, неочевидным образом прививает к древу исторических хроник позаимствованную у мировоззренческих истоков устремленность к дальним целям бытия, раскалывая хрустальный кокон и пробуждая спящую личность. И как следствие утверждает культуру свободного выбора, осознанного обновления, противостоящую фатализму и власти традиций, ментальность эксперимента, практику прогресса, *модернизации*, формирует модели и умения перманентного социального изменения, столь отличные от синхронистичной мандалической замкнутости, освобождая людей от подчинения траектории, роковым образом влекущей к веку «железному».

Откровение некогда привнесло в античное общество вкус и навыки бытия преимущественно во времени (изменении, становлении, развитии), а не в монотонно расширяющемся пространстве дурной бесконечности. История, обретая в откровении смысл, обнаруживает в земной жизни механику радикальных перемен – социальное воплощение *метанойи*. Прежний модус истории как пассивного регистратора событий отменяется. С этого момента диахронный маршрут определяется *миростроительством* – целенаправленным со-творчеством людей.[‡]

У истории фокусируется перспектива: появляется горизонт рукотворного будущего.

* * *

Кризис секулярного мира – отражение транзитного состояния христианской цивилизации, что подразумевает: современное общество есть ее актуальный аспект.[§] Следует признать, подобное утверждение способно шокировать обыденное сознание.

Секулярное общество уникально в истории. Неслучайным образом возникнув и развиваясь в русле христианской культуры, оно подтверждает ранг человека как богоподобной, т.е. свободной личности. «*Секуляризация, как однажды заметил немецкий теолог Фридрих Гогартен, — закономерное следствие действия библейской веры на мировую историю. Поэтому не случайно, что в первую очередь процесс секуляризации начался в странах так называемого христианского Запада, там, где влияние библейских религий на историю оказалось наиболее заметным. Развитие естественных наук, демократических политических институтов, культурного плюрализма — все те достижения, которые мы обычно связываем с западной цивилизацией, — едва ли можно*

[‡] Ср. «История – второй шанс человечества».

[§] Что это, кризис перехода, знаменующий окончание очередного 500-летнего цикла, или же нечто большее?

понять без учета того первого импульса, которым послужила Библия. Хотя люди уже давно не осознают этой связи, она все еще существует. Культурные влияния продолжают действовать еще долго после того, как бывают забыты их источники».

**

Для данной культуры характерна энергия преобразований из-за признания особого достоинства человека и высочайшей сложности мироустройства: парадоксального, алогичного с людской точки зрения, однако постигаемого взрослеющим разумом. Здесь истоки неспекулятивного знания и динамичной трансформации. Сформулированные некогда христианской мыслью представления о нелинейной природе мира (тринитарное богословие, христологическая антропология), засеяв почву нового времени, оплодотворив ее, обернулись познанием данной культурой, но уже в секулярном обличье и порою трагическим образом, удивительных порядков бытия.

Следствием чего станет со временем процесс повторного сближения быта, здравого смысла и метафизики.

ДОРОЖНАЯ КАРТА – I

Людям, мучительно переживавшим утрату привычной целостности, модификацию координат реальности, предстояло пройти сквозь последовательное разрушение прежних идеалов и порядков.

Социоген современности – городская культура. Дорожная карта Нового времени начинает отсчет маршрута от производительных городов-государств, коммунальных сообществ, проложивших путь от средоточия политических функций и экстенсивной торговли к расширенному воспроизводству мануфактур и фабрик, городскому праву и муниципалитетам, соединенным провинциям и республиканскому общежитию.

Средневековье уже беременно Новым временем, вынашивая в своем лоне зачатую секулярностью современность. Тут корни парламентаризма, представительной демократии (депутатов как заместителей народа), налоговой реформы, разделения властей, гражданской самоорганизации, конфессиональной, расовой терпимости и т.п. Создаются муниципальные юридические, судебские органы, основные же правовые принципы и положения закрепляются в *конституции*. Возникают политические союзы городов, насчитывавшие порою десятки и сотни членов. Особая роль в процессе гражданского обустройства Европы принадлежит университетам и университетским корпорациям, обладавшим специальным правовым статусом (самоуправлением и экстерриториальностью), всему сообществу *noblesse de robe* (дворянству мантии).

Сумма подобных социально-политических молекул образует распределенную структуру: своего рода закваску национальных государств, перенося логику и правовые основания собственной организации на прежнюю систему правления (отчасти сливаясь с ней) и на обширные пространства, соединенные «непрерывным плебисцитом».

** Харви Кокс. Мирской град: секуляризация и урбанизация в теологическом аспекте. М.: Восточная литература, 1995. – С. 33. (Harvey Cox. The Secular City: Secularization and Urbanization in Theological Perspective, 1965).

Процесс становления современного государства и политических наций прописан на карте Европы «от моря до моря» и далее: от портовых городов-республик северной Италии до нижних земель Западной Европы, а затем через Англию к берегам другого континента, объявившего своей целью построение «гражданского политического общества» для созидания «более совершенного порядка».^{††} Путь проходил сквозь хляби и веси европейского континента, преобразуя подданных в граждан, отвергая и преодолевая сословную организацию эпохи престолов и господств. От переходной, отягощенной олигархизмом городской культуры Северной Италии и морских империй-республик Венеции, Генуи, прочих итальянских (Флоренция, Пиза, Гаэта, Амальфи, Сан-Марино) и иллирийских (республика Рагуза) городов-государств через Ломбардию к Швейцарской конфедерации (провозглашенной в 1291 г. и весьма эклектичной на тот момент по составу). А также сквозь ярмарочные пространства Шампани, Брабанта или морские торговые конгломераты Ганзейского союза к рожденному фактически первой республиканской революцией Новой Европы государству^{‡‡} – Соединенным Провинциям.^{§§}

Варварское состояние Европы, вся сумятица темных веков перемалывается на жерновах одолевающей упадок, преобразующей себя и человечество городской культуры. Той культуры, которая, отвернув мир феодальных доменов, сословного общества, породила гражданство, политическую нацию, национальное государство. В ряде стран статус горожанина освобождал от феодально-ленных связей, отменяя, в том числе, крепостную зависимость. Третье сословие бюргеров, буржуа, горожан, граждан создает среду для левых идеологий, утверждая революцию^{***}, а не войну в качестве доминантного инструмента эпохи.

Такова общая, «идеальная» формула генезиса современного (национального) государства, т.е. государства эпохи Модернити как определенной исторической модели

^{††} «Мэйфлауэрское соглашение» (Mayflower Compact), т.е. гражданский договор от 21 ноября 1620 г. о формировании самоуправляемого сообщества (будущий Новый Плимут).

^{‡‡} Все-таки первой страной, которая в Новое время, т.е. после торговых городов-республик Средиземноморья, ввела категорию «республика» в обиход как название государства, была Речь Посполита – «Республика» (Najjaśniejsza Rzeczpospolita – Serenissima Res Publica), объединившая Польское королевство и Великое княжество Литовское (Люблинская уния 1569 г.) при сохранении на троне избираемого сеймом пожизненного монарха. Она же была первой европейской державой, принявшей писаную конституцию (3 мая 1791 г.).

^{§§} Основа конфедерации была заложена в 1579 г. Утрехтской унией. После «клятвенного отречения» от присяги Филиппу II в 1581 г. и ряда неудач с временными сюзеренами, семь северных провинций в 1587 г. решили перейти к республиканской форме правления (Республика Семи Объединённых Нижних Земель – Republiek der Zeven Verenigde Nederlanden). Власть в Соединённых Провинциях принадлежала Генеральным Штатам и Государственному Совету. Обладая равными правами в Генеральных Штатах и также правом вето, провинции были почти полностью автономны в решении внутренних вопросов. Провинциальные штаты в свою очередь зависели от решений городских магистратов. А основанная в 1602 г. нидерландская Ост-Индская компания от имени Генеральных Штатов обладала правом объявления войны и заключения мира, могла строить в колониях города и крепости, чеканить монету, заключать договоры с туземными властями, назначать чиновников.

^{***} Сложное понятие, подчас противопоставляемое бунту против законной власти (ср. знаменитый диалог Людовика XVI и герцога де Лианкура). Данная категория тесно связана с вопросом о праве народа на восстание против тирании как средстве *восстановления* (т.е. «ре-волюции»), *обновления* (ἀποκατάστασις) порядка и справедливости, утраченных из-за попрания деспотом естественных прав, основных свобод, фундаментальных договорных обязательств (конституционных принципов) либо божественных установлений (т.е. захвата, узурпации власти правителем или в иной формулировке – «мятежа тирана»).

политического объединения общества. Новая эра утверждает права общества и личность самодеятельного гражданина в перманентной полемике с обстоятельствами.

Экспансия христианской цивилизации, сопровождаемая евангелизацией и колонизацией, распространяется на окружающие пространства, переходит на другие континенты, охватив со временем практически всю планету. Искусство все более отделяется от прежнего его понимания как степени мастерства.⁺⁺⁺ Развитие же мыслительного и технического инструментария обеспечивает промышленную революцию, сопровождаемую инженерным энтузиазмом, в то время как восстание масс открывает шлюзы форсированной этатизации: главной политической технологии XX века.

* * *

В XX веке континентальные монархии и морские (колониальные) империи окончательно уступают место национальным государствам. Одновременно прочерчиваются траектории взлета и деградации эпохи – путь трансгрессии гения Модернити. Что вкупе с высоким уровнем техносферы, достигнутым цивилизацией, производящей изоощренные механизмы (кратно усилившие возможности человека, позволяя оперировать многоуровневыми системами) сформировало облик позднего индустриализма. Частичная стерилизация картины мира, некогда заложенная в секулярном концепте, и произошедший к тому времени реванш линейной логики (в сравнении с нелинейностью мировоззренческих постулатов и ментальных схем *Universum Christianum* Средневековья), влекли многообразные следствия.

Обществу, сложившемуся к началу прошлого века, свойственны активное технологическое конструирование, интенсивное производство, взгляд на государство как на политическую машину⁺⁺⁺ («аппарат»), на войны как форму индустриальной деятельности. И, парадоксальным образом по отношению к основам этой цивилизации, на личность как «машинного человека» (*Maschinenmensch*) либо, несколько иначе, – «винтика».^{§§§} Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс: *номенклатура* (или партийная/национальная/федеральная, а затем международная бюрократия), своего рода страта политических инженеров («аппаратчиков») эры индустриальной цивилизации.^{****}

⁺⁺⁺ Искусство Нового времени – это не религиозные артефакты и не древнегреческое «технэ», но средство трансляции мировоззрения в социальную и частную среду в том числе как средство поддержания поступательной витальности Модернити, отражавшейся в стремительной по историческим меркам смене стилей. Другими словами искусство проявляет себя в качестве продукта секуляризации как альтернативный источник и инструмент трансляции в общество ценностей и принципов: духовных, социальных, культурных координат. Революции в искусстве – тектоника социополитических потрясений, их фермент, генетика. Нынешний транзит в искусстве сопряжен со своеобразной капитализацией его нематериальной эссенции, т.е. с распространяющимся осознанием и одновременно вульгарной прагматизацией постулата: искусство это не предмет (и тем более не вещь), а событие и воздействие (влияние).

⁺⁺⁺ Ср. «великий государственный механизм» (Иосиф Сталин, 1945)

^{§§§} См. «Метрополис» Фрица Ланга (Friedrich Lang, «Metropolis», 1927).

^{****} George Orwell: «Review of „We” by E.I. Zamyatin», 1946: «Цель Замятина, видимо, не изобразить конкретную страну, а показать, чем нам грозит машинная цивилизация... Это исследование сущности Машины — джинна, которого человек бездумно выпустил из бутылки и не может загнать назад». Подробнее Александр Неклесса. Номенклатурное государство // Будущее как предчувствие. http://www.intelros.ru/intelros/biblio_intelros/budushhee-kak-predchuvstvie/.

Машинизация общества и как следствие – механистичность представлений о мире и человеке (габитус индустриализма) вели к уплощению восприятия реальности, ее дальнейшей редукции, опустошению человечности, омертвлению и даже своеобразной социальной некрофилии.⁺⁺⁺⁺ Этатизм – это, пожалуй, самый яркий феномен века, имевший драматические следствия, обнажившие кризис цивилизации, зыбкость проведенной ею лимитации границ зла, зияющую неполноту интеллектуальной рефлексии. Иначе говоря, следствия, осмысление которых, заставляло задуматься о более глубоких корнях проклятых вопросов, обоюдоострых аспектах темы промысла и проблемы отчуждения, о стезях теологии после ГУЛАГа и Освенцима.

В сфере же практики, размышления об экспансии, гегемонии, претензиях этатизма⁺⁺⁺⁺ стимулировали поиски конструктивной деконструкции подобного положения вещей. И они же активизировали попытки опознать альтернативную этатистскому корпоративизму комбинацию политической триады: *государство – бизнес – общество*. Иначе говоря, усилили стремление найти оптимальный баланс этатизма, предпринимательства, коммунитаризма. Эскизы различным образом трактуемой золотой формулы организующего решения отразились, к примеру, в таких доктринах, как ордолиберализм («социальное рыночное господство») или неолиберализм («контрактный мир»), а также в обновленных прочтениях коммунальной практики: неопрудонизм, субсидиарность, а впоследствии альтерглобализм, движение ассамблей, «оранжевые» инициативы^{§§§§} и т.п.

Новая корпоративность, сделав ставку на неолокковский конкордат общества и бизнеса, подавила претензии этатизма на тотальное доминирование в политической комбинаторике. Породив иной комплекс противоречий: между протоформами глобальной бюрократии (очередной метаморфозой этатистской идеи) – неолиберальной «оцифровкой мира» (дигитальной/информационной каталогизацией/капитализацией реальности) – антропологически ориентированным замыслом креативной вселенной (нелинейным, подвижным, синергийным сообществом). Конфликт, отраженный, в частности, в состязании национального и глобального управления или в противоречиях между склонной к правовому насилию «бета-версии» контрактного мира и ориентацией на расколдовывание творческого дара как доминирующего источника внутреннего/внешнего благосостояния и развития, либо статическим и динамическим форматом восприятия практики.

⁺⁺⁺⁺ Эрих Фромм. *Анатомия человеческой деструктивности* (Erich Fromm. «Anatomie der Menschlichen Destruktivitat», 1973).

^{****} В разновидностях ли «социализма в одной стране», «национального социализма», «корпоративизма» либо «хустисиализма». Или же «Нового курса» (New Deal) и т.д.

^{§§§§} «"Оранжевыми" принято (было – А.Н.) называть организации, откровенно пародирующие деятельность политических партий и движений. Перенимая внешние признаки политических партий, они вместе с тем ставят в качестве программных заведомо несуразные и абсурдные цели». (Ю.Г. Коргунюк, С.Е. Заславский. *Российская многопартийность: становление, функционирование, развитие*. – М.: Фонд ИНДЕМ, 1996. – С. 126). Определение «оранжевые» происходит от символики голландских контркультурных и анархистских движений «Прово» и «Партия гномов» (1965 г.). Синтез же контркультуры и политики прослеживается уже в польском движении *Pomarańczowa alternatywa* («Оранжевая альтернатива»), действовавшем преимущественно во Вроцлаве в восьмидесятые годы. Дальнейшее развитие и новое звучание данная тенденция получила в ходе украинской «помаранчевой (оранжевой) революции» осенью 2004 года.

ДОРОЖНАЯ КАРТА – II

После двух мировых войн («тридцатилетней войны» XX века), следуя логике отмирания империй, универсализации идеи национального государства и в борьбе за свободу торговли, инициируется процесс деколонизации, имевшей собственный исторический маршрут, свой список открывшихся ран и кровоточивых поражений. Резня между индусами, сикхами, мусульманами в Индии. Погромы хуацяо в Индонезии. Режим красных кхмеров в Камбодже. Иди Амин и Бокасса. Биафра и Руанда, Дарфур и обломки Сомали, «конголезские» войны рубежа тысячелетий, злодеяния «Освободительной армии господ» и т.д.

Выход на арену Третьего мира, затем глобализация и сопутствующая ей трансграничность в числе иных следствий ведут к слому цивилизационного стандарта, вселенской мультикультурности, плотному сосуществованию аксиологически и теологически автономных миров. Совмещение традиционалистских инклюзий с ареалами позднего индустриализма и подвижной реальностью постсовременности подчеркивает кентавричность комплексного сообщества.

Черты нового строя можно различить во множественных трансформациях социосреды, глобализации метаполисного (основанного на гравитации hub'ов) ландшафта, растворении гражданского (т.е. «городского», «национального») общества в транснациональной среде, становлении постгородского, деэтактизирующегося и частично виртуального универсума. ****

* * *

К концу века утрата оснований прежним строем становится очевидной.

Рушатся классовые, расовые, национальные перегородки и параллельно возникают новые; привычные коллективные несогласия замещаются индивидуальными разночтениями, совершается контркультурный переворот. В постиндустриальном контексте прописываются позиции критического, интеллектуального, креативного класса, происходит революция элит.

Человеческий космос персонализируется и усложняется; былые иерархии, способы действия распадаются либо преобразуются, порою с точностью до наоборот, тут достаточно вспомнить динамику удельного веса нематериальных и материальных активов или порой представляющую парадоксальной диверсификацию капитализации в экономической практике. Принцип делегирования властных полномочий ставится под сомнение, происходит сдвиг к непосредственной (прямой), но асимметричной кратии пассионарностей, ориентированной более на социальное, нежели политическое пространство (и его обновление). А в самом обществе нарастает *бешенство превращений*, ведется страстная борьба за право на индивидуальность и самовыражение (индивидуальный суверенитет).

В антропологическую вселенную вновь широко вторгается метафизика. Скорлупа секулярной светскости, обеспечившая вызревание сугубо человеческих качеств (оставив некогда людей один на один с неопознанными мирами), раскалывается. Люди получают новую степень свободы, и наступившие времена, в сущности, не что иное, как очередной такт духовной алхимии – проверка достоинств/недостатков, обретенных в лишь отчасти замкнутой

**** Мир как метакоммуникация, т.е. от «media is the message» до «глия вместо нейронов», «смартмоб» и «семантическое/социальное облако».

галактике. Это скорее мир характеров, нежели типажей: арена персон, полускрытых в постепенно рассеивающемся тумане времени.

Развоплощение окостеневавшего мира сменило прошлое расколдовывание. Реальность была заново прочитана: сняты многие ограничения, устранены некоторые отчуждения, а стандартные процедуры верификации – наследие индустриальной культуры – вытесняются дерегуляцией и субъективной оценкой ситуации (т.е. превалирует сознание уникальности *ad hoc*). Иначе говоря, формальная определенность уступает место бытийному релятивизму. Вопрос «как это на самом деле?» утрачивает прежнее значение при доминировании содержания над формой упаковки. «Физическое» понимание реальности перетекает в «фактическое». Более важными оказывается конкретный статус обстоятельств. И представления о них.

На фоне роста цены нематериальных активов происходит трансмутация реальности – реабилитация виртуального, психического, метафизического измерений бытия.

ПОСТСЕКУЛЯРНОСТЬ

Постсекулярность толкуется различным образом, существуют ее «западная» и «восточная» ипостаси, в практической же аналитике доминирует комплексный подход.⁺⁺⁺⁺

Тема постсекулярности в определенной мере является реакцией на трагический опыт XX века: дискредитацию прогресса, прочих просвещенческих идеалов, самой сценографии Модернити. Сегодня эта тема фиксирует амальгаму социализации (обобществления) и приватизации (персонализации) сложных схем мировидения в соответствии с переменами в понимании реальности. И одновременно – кризис институционального христианства как «религии», его дробление на конфессиональные молекулы, поликефалию, многоликую ферментацию, растворение в повседневности, быте.

Равным образом фиксируется культурная растерянность эпохи, обострение ее охранительных рефлексов, общая фрустрация, смесь депрессии/ажитации позднего индустриализма, обнаруживаемые в едва ли не экспоненциальном росте систем контроля и безопасности, изобилии симулякров, моральном релятивизме, консьюмеризме, иных проявлениях феноменологии массового общества, а также в эксцессах секуляризма.

Рационализм, воплощаемый как редукционизм, ведет к восприятию реальности как тривиальности. Светскость же, трактуемая как *прагматичный, слишком прагматичный* шаблон, уплощается, теряя культурную полноценность, а заодно историческую легитимность. Усеченный индивид творит конъюнктурные коллажи из обрывков прописей и осколков прежней картины мира.

* * *

Поздний индустриализм балансирует на подвижной границе с зарей постмодерна.

⁺⁺⁺⁺ В XX веке государственная религия была отменена в 63-х странах, в XXI веке 113 стран официально не имеют государственной религии. Она, однако, существует в 75-ти странах: Иране, Пакистане, Израиле и т.д.

Постсекулярность может рассматриваться в подобной схеме как инструмент адаптации к возникающим вызовам времени. А заодно как попытка освободиться от остатков «искусной искусственности» пантеизма и мимикрии нигилизма, окультуренного под здравомыслие. ^{****}

Мультиконкретная модель пробуждает к жизни гиперреализм бытийного текста, основанный на деконструкции wishful thinking схоластических прописей Просвещения («хотелок Модернити»). Причина в настойчивом поиске подлинности: стремлении искусственного духа постичь смысл событий, каким бы тот ни оказался. Это экзистенциальная позиция, которую нельзя обрести простым путем или купить за медные деньги, но которая произведена на свет трагическим опытом, вынужденным мужеством и... отчаянным эскапизмом. Предопределив тем самым ощутимый сдвиг в мировидении.

Жесткие истины, возможно, приоткрываются слишком рано, либо же это нечто, превосходящее способность человека принять иную версию реальности. Подобно мастеру-творцу Виктору Франкенштейну Zeitgeist расчленяет, преобразует, сочетает – подчас в эпатажной комбинаторике – привычные, т.е. прошлые трактовки, «музейные представления», рассматривая их в качестве простых красок на палитре: рутинного подспорья в неистовом поиске квинтэссенции бытия. И обращается с ними как с подручным материалом, существенно меняя при этом значение категории «коллаж».

Во всяком случае, европейская версия постсекулярности – не до-секулярное состояние и не возврат к прежней конституции (как Контрреформация не означала возврата к дореформационным порядкам), не религиозно-сословная унификация и не реванш религии в прежнем формате. Скорее результат долгосрочной индивидуации, симптом «хорошо темперированной» социальной/ментальной полифонии, хотя порой с элементами какофонии.

* * *

Однако постсекулярность – это также эклектичный дизайн постколониальной трансгрессии: мультикультурная взвесь оседающая на территориях диффузного сосуществования, не вписываясь в региональную социокультурную модель (наиболее яркий пример – «реколонизация Европы»). Глокальный интернационализм демонстрирует разницу в энергетике геокультурных потенциалов. И кризис прежнего цивилизационного ценза.

На пороге века возродилась тема цивилизационной конкуренции. ^{§§§§§} В условиях постколониализма европейская сумятица соприкасается, совмещается с разноликой экспансией Востока. Возникает, в частности, диалог о потенциях ислама, об универсализме мусульманской идентичности (особые темы: перспективы евроислама, посткемалистская модель, глобальная дисперсия специфической правовой системы, рост ее влияния, признания, ползучая легитимация и т.п.). ^{*****} К тому же «арабская весна», замещая светский авторитаризм умеренным исламизмом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

**** См. позиции по данной проблеме Юргена Хабермаса «Против воинствующего атеизма. Постсекулярное общество – что это такое?» и Йозефа Ратцингера /Бенедикта XVI/ «Ценности в эпоху перемен» (Jürgen Habermas. The Dialectics of Secularization. w/ Joseph Ratzinger, 2007).

§§§§§ В соответствии с предвидением Альфреда Сави (Alfred Sauvy. «Ce Tiers-Monde, ignoré, exploité, méprisé comme le Tiers-État» // L'Observateur, 14.08.1952).

***** Ср. средневековый Universum Christianum, его манифестации, целеполагание, психологию обитателей.

Постсекулярность связана, кроме того, с той универсальной антимодернизационной волной, которая по-своему опровергая и отвергая плоды Модернити, реализует себя в форматах деятельного консерватизма, нового традиционализма, порою в обновленческой, фундаменталистской либо сугубо спиритуалистичной упаковке.

Проявляется она также в химеричной, неоархаичной реальности распавшихся или несостоявшихся государств...

КРИТИЧЕСКИЙ РУБЕЖ

К вышеперечисленным явлениям примыкает аксиологический и антропологический кризис.

Христианская концепция личности, сама логика активной, деятельной позиции подводят события к предельной ситуации. Люди, будучи лишены прежнего груза природных и социальных обременений, с какого-то момента оказываются в критической зоне, став существенно свободнее в выборе ценностных ориентиров и миростроительных перспектив.

Личности, восстанавливающей суверенитет, приходится заново переживать крушение мироустройства. Изменение духа времени, нарастающий релятивизм норм, метаморфозы привычных объектов индуцируют движение от едва ли не тотальной стандартизации массового общества, поп-культуры, духовного материализма и «нахальства посредственностей» к восполнению некогда изъятой полноты. Избавление разнообразия от тенет редукции и обескровливающего исчисления жизни ведет к оригинальным формам сложноорганизованного быта, индивидуации пассионарных персон, неотчуждаемости их креаций, легализации коммунитарных институтов и альтернативных маршрутов практики.

Сложность будущего отчасти замещает тоску по завораживающим иллюзиям прошлого, его интригующей необъятности. Тоску, столь свойственную не слишком искушенному разуму.

Кода-то отсеченные, но восстающие в сумеречном свете межсезонья видения пробуждают полузабытые, отодвинутые в сторону прочтения «заколдованного» мира. Однако транслируя из частных сред в пространство публичных коммуникаций многоязыкость текстов – и как следствие усложняя нормы общежития (правоприменение) – индивид подвергает проверке не только достигнутую степень толерантности, но также умение удерживать субъектность. Иначе говоря, способность осознавать себя и проявляться во взаимоотношениях с миром и людьми не в качестве объекта, подавленного коллективной волей суеверности (инерционным или конъюнктурным консенсусом), но суверенной личностью – источником действий, проб и ошибок в драматичной антропологической вселенной.

Так преодолевается секулярный барьер, происходит новое смешение земли и неба.

* * *

Дорога из второго в третье тысячелетие пролегает на руинах представлений о прогрессе и естественном человеке: путь, ведущий от декларации «смерти Бога» к провозглашению «смерти человека». И восстанию элит.

Углубленное познание натуры, кажется, предопределяет генезис антропологического естествознания как комплексной (в синтезе с этнологией) науки о людях и сообществах. В

числе тем – реальность и миражи радикальных преобразований. Неоантропологическая революция. Общество «массовой индивидуации». Гипотезы о постчеловечестве. Мультипликация интерфейса с техносферой. Суррогатные профессионалы. Энтузиазм и фантазии трансгуманизма. Генетические модификации, клонирование. Микробиологическая катастрофа. Перспективы различных форматов допинга, технической и химической инструментализации тела, его функций, метаболизма. Искусственная стимуляция мозга, включая психофизические, нейрогуморальные девиации. Физиология мышления и действия в условиях неопределенности. Квир-идентичности. Савантизм. Проскопия. «Спонтанное» расширение сознания и одновременно – вероятность его уплощения, неоархаизации (ср. клиповое мышление, двоеверие, мистификация карт жизни, неокарго, гиперрефлекторность, деградация интегральной архитектуры /e.g. сетей DMN/ и т.д.).

К тому же появляются качественно иные субъекты практики. В зазоре между гибкостью людского разума и дигитальным могуществом ИТ обнаруживается сообщество программ, обретающее ум, отличный от человеческого. И определенную автономность. Рассматриваются также сценарии внешней/внутренней киборгизации (т.е. мета-антропологической субъектности) – процесс, ведущей к генезису еще одной формы интеллекта. Техносфера под воздействием меняющихся поколений ботов становится интерактивной и рефлексивной, генерируя симбиотические ветви эволюции. К примеру, одно из определений нового града – территория, где обитает Интернет. И это не метафора.

Между тем девальвация жизни усугубляется (пересечение рубежа «семи гигатонн» обитателей планеты, голодный миллиард, трофейная экономика, трупобные опухоли, анонимизированные сообщества), происходит ее «конвертация с различной курсовой стоимостью», провоцируя мысли о вспышке массовой и эффективной деструкции. +++++

В итоге на дорожной карте цивилизации обозначилась точка сингулярности человеческой вселенной, чреватая *Большим социальным взрывом*.

II. DEUS IRAE.⁺⁺⁺⁺⁺ В ОЖИДАНИИ СЛЕДУЮЩЕГО УДАРА

Желанием отдаленного словно огнем разжигаются все части души,
отсутствующее вменяется ими за присутствие.
И туда простираются все помыслы.
преп. Исаак Сирий

Революционер – человек обреченный... в глубине своего существа не на словах только, а на деле
разорвал он всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром и со всеми
законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира.

Он для него – враг беспощадный, и если продолжает жить в нем,
то только для того, чтобы вернее разрушить...
Наше дело – страстное, полное, повсеместное и беспощадное разрушение.
Сергей Нечаев

«Что будет завтра, бойся разгадывать», предостерегал Гораций... Но если все-таки заглянуть за горизонт, прочерченный в согласии с основным качеством живого существа – инстинктом бытия, связанным с конструктивными формами существования?

⁺⁺⁺⁺⁺ Ср. красочное описание последних дней Атлантиды в повести Алексея Толстого «Аэлита» (1923).

⁺⁺⁺⁺⁺ Гневное божество (лат.)

Приходится пристальнее вглядываться в траектории инволюционных процессов, прислушиваться к ритмам, которые множатся по мере хаотизации прежней организации жизни. А также задуматься о последствиях предельных форм концентрации гнева, боли, незащищенности, испытываемых на планете слишком многими. И о вспыхивающих то тут, то там чувствах отвращения к конструкции мира.

Сегодня приходится размышлять о сценариях, в основе которых идеи и эмоции, способные активировать темную сторону человеческой природы в соответствии с постулатом о свободе выбирать между добром и злом. В том числе в пользу мрачных предпочтений.

* * *

Христианство мыслит категориями восстановления, исцеляя и обновляя человека (ἀποκατάστασις). Оно возвращает блуждающим в древних лабиринтах чувство свободы и полноты бытия. Отделяет от ветхости мира. Лишает господства природу, расколдовывает ее.

Но обретая власть, люди начинают мыслить бытие как пространство утилизации, промышлять им, тиранствуя над переданным в управление естеством, унижая, гипостазирова обретенное дорожкой ценой достоинство. Индустриализм, расширяя возможности и утверждая могущество, одновременно усугубляет ситуацию, превращая человека в эффективную функцию, жизнь – в сумму операций. Опошление дарованных сил вызывает протест живой плоти, ведет к восстанию против омертвления и деспотии. Но зло собирает дань, по-своему используя обретенную человечеством мускулатуру.

Цели обновления затуманиваются миазмами помраченного ума: мировоззрение, утратив целостность, рождает лишенное благодати потомство – поколение призрачных и корыстных идеологий. Вожди бродящих во мгле – из племен отверженных и неприкаянных.

Постиндустриализм отчасти лечит подобное подобным, снимая диссоциации, демонтируя местами проржавевшую механику исторического конвейера. Мир замер в ожидании результатов рукотворного преображения, трепеща перед энigmой самовосстановленного человечества.

ЭЛИТНЫЙ ПЕРЕВОРОТ

«Им всякая чужбина – отечество, и всякое отечество – чужбина».^{§§§§§} В недрах практики на рубеже тысячелетий проявился субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные сообщества, эффективно действующие личности/группы, отсеченные от прежних корней, но получившие доступ к могучим инструментам трансграничной цивилизации: финансовым, информационным, организационным, техническим.

Энергичные конклавы: корпорации, союзы, клубы, комиссии, глобальные племена, сетевые интегрии, «торы-боры», вдохновляясь футуристичными горизонтами и ощущая себя – независимо от регалий прежнего порядка – элитой Нового мира, способны драматично

^{§§§§§} «Христиане населяют свои отечества, но как пришельцы; во всем участвуют как граждане, но все терпят как чужестранцы; всякая чужбина им – отечество, и всякое отечество – чужбина... Будучи во плоти, они не по плотскому живут; по земле скитаются, но на небе жительствоуют». «Послания к Диогнету», II в. (автор, предположительно, Иустин Мученик).

распоряжаться своей и чужой свободой, действуя как с той, так и с другой стороны иерархий. Их диалог при этом ведется поверх голов людей, равно воспринимаемых как хор безликих статистов.

Время, необходимое для организации провокативных и масштабных проектов, сжимается, возможности же воплощения, пространство действия многократно расширились. Мир сегодня – источник полифоничных замыслов, тестовая площадка виртуозных технологий, спарринг-партнер высокоадаптивных рефлексов, полигон конфликтов между производством контента и управлением им.

Для неформальной, но влиятельной элиты, выстраивающей смысловые коридоры, обнаруживая чревоточины в среде стратегической неопределенности, характерны синергичная комбинаторика, сила умной гибкости, персональное разделение рисков, нестандартность решений, высокий градус самоорганизации и креативности. Демонстрационный характер ряда акций уживается с непубличностью других. Амбициозные сообщества не слишком нуждаются в институционализации претензий – по крайней мере, в прежнем смысле – что оборачивается проблематичностью декодирования внешне иррациональных связей, анонимностью значимых событий либо мультисубъектностью неоднозначных инициатив.

Действуя поверх социоконструкций (подчас самой конструктивности), неклассические операторы отличаются произвольным толкованием закона, прямым небрежением, тягой к точечному, акупунктурному усилию, дискретному героизму, системному и хаососложному («эффект бабочки») терроризму. Но, пожалуй, правильнее сказать: они не столько подавляют, сколько игнорируют институты публичной политики, утрачивающие былое значение, обретая черты спектакля и карнавала.

* * *

Все же нынешняя сценография – своеобразная Большая пауза: перерезаемая пуповина постмодерна, незастроенное предместье и всполохи пост-цивилизации.

Этот смутный театр теней – логово освобожденного творения Франкенштейна: симбиоз набросков либретто и черновых, на скорую руку прописанных мизансцен. Порою, как и всякая химера, причудливого свойства. Однако перечень даже первых кадров пост-современного синематографа впечатляет. Радиация лучистых семантических облаков. Не вполне сочленяемая в логике и протоколах виртуальность. Глубокоэшелонированные губки коммуникаций. Токсичная финансово-цифровая хрематистика. Офшорная клептократия. Неприкаянные призраки национальных и космополитичных откровений. Эпидемии мемов. Экзотика партисипативных движений и гражданских ансамблей. Витальный магнетизм флешреволюций. Талые воды весны народов... Да и упоминавшийся гиньоль терроризма – все это заметно повлияло на ментальность человека, усомнившегося в представлениях о реальности.

История, нанося удары, творя прорывы, зигзаги, расплавляется полновесной валютой – опытом. Исследователи, вычерчивая, стирая, переписывая географию n-мерного глобуса, задумываются: что сулят обретаемые координаты? И каковы теперь правила игры на планете?

* * *

Культурный шок обостряет ностальгию. Травмы, кризисы, перевороты провоцируют перебои ритма: они кризисные управляющие: механики, а заодно инструменты перемен.

Инерционность жизни, ее интерактивность (политичность) вынуждает скорее амортизировать, нежели разрешать криптографированные задачи. Результат ситуационного консенсуса – обманчивая пауза, затем разброд, инволюция. Ну, а броски поверх барьеров привносят разделение, случается – измельчение регистров, и сияние Глобального Града обретается в переливчатой мозаике осколков метаполиса.

Через пятьсот лет после вхождения в серебристые покои Нового Света люди обнаружили порог, за ним медные врата Нового мира. Двери распахнуты, однако железобетонные *Twin Peaks* – ахиллесовы столпы истукана цифрового азарта, некогда увитые плющом новой Ойкумены, невидимой рукой ввергнуты в прах.

Тиражируемая СМИ и фабриками грез картография века сего – навязчиво апокалиптична, но конъюнктурна, карикатурна и фрагментарна. В среде умножающихся *X-files* цивилизация стремится удержать начала, наращивая на изнеженное тело плотную кожу. Переходя из мира дьявольских альтернатив, чудовищных ошибок, творимых ради продления жизни, удержания ада, к многолюдному сообществу, где прежние ценности ставятся ни во что, а человеческая жизнь дешевле, чем на невольничьих рынках древности.

«КОРПОРАЦИЯ ЗЕМЛЯ»

На пороге XXI века распался прежний формат отношений Запада и Востока, Севера и Юга. Мировой Север и мировой Юг – это не «Север», «Юг» двадцати-тридцатилетней давности. Парящий в ожерелье из спутников контроля и связи град Нового Севера – трансграничный планетарный кампус, униполярный портал, где генерируются протоколы поведения, вершится конвергенция элит.

Генетически данный мир восходит к североатлантической цивилизации, однако обладает собственным целеполаганием, плотной виртуальной телесностью, протееобразной иерархией, калейдоскопичной, многомерной топографией.

Летучая Лапутания озабочена не столько идеями мирового баланса, стабильности суверенитетов, культуртрегерской экспансии, скорее доминированием над динамичными сюжетами практики: амплитудами мирового дохода, траекториями ресурсных потоков, модификацией средств господства, капитализацией нематериальных кладовых. И дирижированием более экзотичными отраслями: сооружением смысловых тоннелей, вернисажами галерей от мастерских артефактов, эмиссией искусных аберраций, отысканием нелинейных синкоп. Будущее при определенных условиях может расцениваться как трофей.

Концерт интерсообщества карточных (*a la carte*) администраций, контроллит, астероидных групп, теневых картелей исполняет композицию, перенасыщенную импровизациями и обертонами. Единицей идентичности становится *инструмент* – тип деятельности, либо принадлежность к *сегменту оркестра* – влиятельному клану. И менее всего это игра для публики в зале: насельников национальных подворий.

* * *

На теневой стороне Луны течет своя жизнь. Интерлюдия глобального («глубокого») Юга – номады миноритарных владельцев «Корпорации Земля»: бескрайняя пограничность, рассеянная на клочках и долях планеты.

Пестрая неоархаика пестует, холит экзотику – зауль конспирологии, симулякры государственности, производ *вайлентизированной* (наполненной имплицитным насилием) парapolитики, сопровождаемые асимметричным эхом «прямого действия».

Отвергаются либо извращаются коды поведения, характерные для былого «большого социума», а конфессиональное и социальное подчас меняется местами. Или синтезируется. Квази-пайщики пытаются доосмыслить, спроектировать, утвердить собственные правила дорожной карты в сетях и нетях актуальной истории. Действовать по нынешним – для них бессмысленно: прекарии остаются маргиналами, не имея ни контракта, обеспечивающего доступ к авуарам цивилизации, ни прямых представителей в глобальном Совете директоров.

Впрочем, в катакомбах морлоков и прежде возникали мыслители, деконструкторы, несхожие меж собою, одержимые, однако, единым желанием подвести мины под рельсы несущегося локомотива Модернити. Сегодня рыцари плутовских личин и господа гексогена также взыскуют *magisterium*, способный преобразить маргинала в признанную *urbī et orbī* силу...

Но кое-что все же меняется.

Одно из сокровищ, извлекаемых из кладовых всевластья – ресурс смерти: деструкция, возведенная в ранг цели и абсолюта. Другими словами, смысл жизни прочитывается не как продвижение к сияющему граду и даже не как снятие обременений, комфортное обустройство быта, а жгучее, неистовое стремление реализовать свой единственный неотчуждаемый земной ресурс: смерть.

ПЕРЕКРЕСТОК

По планете расползается архипелаг глобальных пропорций.

Призрачная квазигосударственность пиратских республик на побережье Африканского Рога. Кровавая перекройка юго-западного Судана. Территория перманентной войны у Великих озер. Сепаратная зона племен в Пакистане. Революционно-криминальные ареалы сельвы. Прочие головоломки «золотых» треугольников, звезд, полумесяцев. Непосещаемые чужаками гетто. Инсургенты и смертники. Армии детей и куски мяса, завернутые в страницы Библии... Все это вотчины и полигоны миноритариев «Корпорации Земля».

Сегодня большинство проводимых ими сделок – контролируемо, векселя – часто ничтожны, однако имеют шанс стать полновесной валютой, будучи обеспечены щедро расточаемой смертью. Чужой и своей. Вкладывается же в данное понятие несколько иной от привычного смысл. Ресурс востребован на рынке, пользуется спросом в среде комплексных операций. Порою он неплохо конвертируем в другие виды как экзотичных, так и конвенциональных валют.

Физиология смерти^{*****} вшивается острой иглой и крепится кожаными заплатами на ветхой ткани политических/экономических игр.

* * *

Обитатели Юга – легионы вирулентных лангольеров, рассеянных на ограниченных земными пределами территориях. Их статус – пожиратели времени, профессиональные безработные, кормильцы родов, наемники-кондотьеры, обезличенные работники общечеловеческой мастерской. Шаг за шагом они настигают настоящее, вгрызаются в будущее и наследуют обугленные земли.

Претензии на пересмотр конвенционального номоканона не купируемы допэмиссией акций (включая виртуальные кладовые). Эти люди нередко сами ищут смерти. Но на определенных условиях. В грезах нищенствующих нибелунгов проблескивают трансэкономические мотивы. Всадник на бледном коне имеет шанс стать взыскемым героем: носителем непредусмотренных доблестей и странных добродетелей. *«Кто знает, эта жизнь ни есть ли смерть, и смерть ни есть ли жизнь для смертных?»*

А привитая, вынужденная либо показная покорность не исключает желания время от времени демонстрировать – даже в огороженных частоколом метрополисах – зубы зверя в ночи.

* * *

Управление кризисами, инволюция/эволюция рисков согласно пометам в рецептуре, приводит как к разрешению конфликтов, так и форсажу турбулентностей. Самоорганизующаяся критичность может оказаться привычно сослагательным вывихом и, опрокинув удерживаемый порядок вещей, выскользнуть, кардинально изменив понимание истории.

В повседневности случались повороты и перевороты, когда идеалы и замыслы летели прочь с ломающейся на ходу повозки, а следы копыт заматались переменчивыми ветрами. Несокрушимая же и легендарная цивилизация, словно труп Атлантиды, в одночасье погружалась в Лету.

Речь между тем о другом: о легализации транзитной неравновесности как перманентного состояния бытия.

«ЗАХВАТИ БУДУЩЕЕ!»

Когда над жизнью нет судии – мир начинает грезить концом истории; антропологической катастрофой; постчеловеческим универсумом. Или культурой смерти.

Но если судия есть, однако приговор обвинительный? В возникшей сумятице постсекулярная вольница вскроет ледорубами погреба онтологического первенства ничто, извлекая скользкую и холодную мысль о допустимости и благе деструкции. Возможно безбожия. Чаще – инобожия.

Планомерная, тотальная деконструкция суммы «плодов просвещения» способна творить радикально иную вселенную – цивилизацию смерти, архитектоника которой замкнута

^{*****} Ср. рассуждение о «культуре смерти» в «Evangelium Vitae» Иоанна Павла II (Ioannes Paulus II, 1995).

на сакральность окутанного дымом печей некрополиса: символа торжества перверзивных характеров (с позиций нынешней психологии), притяжения бездонных колодцев и восторга головокружительных коллизий.

Усмешка холодного разума в коммерческом характере предложения, ибо есть выбор: *раствориться в небытии* либо *обрести сразу и вдруг бытие иное*. То и другое, как говорится, без гарантий.

* * *

Одновременно с обрушением башен-близнецов поблек практикабль прошлого столетия, уже поврежденный трещинами Освенцима и ГУЛАГа, Камбоджи и Руанды (список не исчерпывающий). На подмостках исторической сцены обнаружилась потаенная ипостась постсекуляризма, его темный близнец: союз *misérables* и людей тени, обративших в «святую рутину» плод искушения закулисным действием.

Зло, обретая силы и освобождаясь от личин цивилизованности, рождает на свет свою версию Возрождения, реализует собственную Реформацию.

Крошка-горнист – выпускник университетов Крысолова, прилежный аспирант, юный схимник армии освобождения – выходит из пещер на агору с песней-побудкой. И прибывает к изъеденных жуком-древоточцем дверям повестку века сего, предъявляя отложенные прежней цивилизацией права на эксперимент: строительство исторической конструкции на основе иного прочтения всепоглощающей жертвенности. Рассчитывая на грандиозное разрешение.

Ибо ход истории зависит не только от держателей векселей и реестров, но от совокупной жертвы, выбора человечества. Удивительно, большинство людей, несмотря на изъяны, не любит, когда цветы топчут, а младенцев убивают, но проходят с широко закрытыми глазами мимо расползающихся трещин земли. Вечно юная весна народов в людской крови, и омывается она – той же кровью. Когда власть нагло, деспотично подавляет личность, душит милосердие, пародирует справедливость, осмеивает благородство, с корнями выпалывая ростки «прекрасных порывов», лишь уникальная жертва способна одержать верх над взбесившейся реальностью.

* * *

Горький привкус последней сентенции, опознается сознанием, пребывающим в шоке, опасаясь нуклеарного распада основ. Кажется, такое лекарство лучше любого наркотика способно продлить союз с холодной жизнью, при других обстоятельствах вызывающей омерзение.

В лабиринтах мирового андеграунда, подобно ленте Мёбиуса, связавшей призрачными эскалаторами пузыри земли с воздушными островами, для слишком многих приоткрываются кладовые жертвы. Промышляют же опасным ресурсом немногие – лично, интимно, каждый по-своему. Однако все более массово.

Ну, а умные/безумные головы открывают не только версии ОМП: здесь ведь Клондайк века сего – веером разворачивающиеся тропы стратегического селектива.

Идея же корректировки истории жертвой – та идея, на которой зиждилась двухтысячелетняя цивилизация – предельно извратилась, обретая совершенно не христианское звучание. Прежняя история заканчивается. Параллельно, сквозь клише и

стереотипы пробивается новая, чьи огненные руны пока непривычны, но картография уже обозначена руинами.

Благодарю за внимание.

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДА

1. Современность (modernity): это завершенный или незавершенный проект? Сегодня можно констатировать серьезные искажения его социально-политического дизайна и основ просвещенческой культуры. Существует ряд определений складывающейся ситуации: общество постиндустриальное, постсовременное, информационное, когнитивное, креативное, сложное/комплексное и т.п. Однако полноценное описание отсутствует, речь скорее идет о ситуации перехода.
2. Тем не менее, мы можем содержательно рассуждать о различных аспектах транзита: историческом, политическом, экономическом, культурном, методологическом, аксиологическом, философском, теологическом, антропологическом, прогностическом. Иначе говоря, констатировать системный характер кризиса современной цивилизации. Феноменология глобальной трансформации включает преобразования политики и экономики, культурный (контр-культурный) поворот, сдвиги в международном праве, глокализацию, деэтизацию, неорегионализацию (геоэкономику), хрематистику финансов, капитализацию нематериальных активов, изменения в социальных регламентах, моральных нормах etc.
3. Одно из направлений анализа перемен – размышления о постсекулярном мире. Секулярное общество уникально в истории. Не случайным образом возникнув и развиваясь в лоне христианской культуры, оно отражает присущий этой культуре статус человека как свободной личности. Энергия преобразований, расширенное воспроизводство, социальные, культурные и политические перевороты – характерные черты данной эпохи, равно как признание нелинейности мира и методология, заложившая основы инновационно-технического взлета: примат эмпирического/неспекулятивного знания (естественные науки).
4. Частичная стерилизация картины мира, присутствующая в секулярном концепте, и сопутствующий реванш линейной логики, влекли многообразные следствия. Для культуры модерни на стадии позднего индустриализма характерны активное технологическое конструирование, интенсивное промышленное производство, взгляд на государство как на политическую машину, на войны как форму индустриальной деятельности. И на личность как «машинного человека» (Maschinenmensch). Получила развитие социальная инженерия, сформировался новый класс: номенклатура, своего рода страта политических инженеров. Редукция ментальности имела следствием «механизацию» общества, его этизацию. Кроме того, эксцессы секулярности привели к тому, что, будучи интерпретируема как сугубо материалистичный, антирелигиозный эталон, она утрачивает авторитет и легитимность.

5. Новый реализм замещает схоластичность «прописей Просвещения», косвенно отражая крах иллюзий секулярного индивида. Кризис данной цивилизационной программы – это реакция также на трагический опыт XX века, на сомнения в реальности прогресса и адекватности прежней модели мироустройства. Между тем постсекулярность – не до-секулярное состояние, не реванш религии в прежнем формате, но часть заметно усложнившейся картины мира. Отражает она и кризис институционального христианства («религии»), его растворение в культуре, быте.

6. Впрочем, постсекулярность можно расценивать как специфический инструмент культуры модерни для адаптации к вызовам времени. Человек приближается к критической точке своего развития, существуя без прежнего груза природных, социальных обременений, становясь все более свободным в выборе ценностных и деятельностных альтернатив. Происходит легализация экзотичных духовных горизонтов, нестандартных практик, на планете действует новый субъект, активно влияющий на реальность. Это комплексные энергичные сообщества, личности/группы, лишенные прежних культурных корней, получившие в свое распоряжение от технической цивилизации высокоэффективные инструменты.

7. Существуют разные прочтения постсекулярности в ее «западной» и «восточной» ипостаси. «Западная» версия реализуется в условиях индивидуации, динамической сложности, парарелигиозной эклектики, мультикультурности и возрождения цивилизационной конкуренции. Между тем европейская сумятица соприкасается, совмещается с разноликой экспансией Востока. Возникает, в частности, диалог о потенциях ислама, универсализме мусульманской идентичности. К тому же «арабская весна», заместив светский авторитаризм умеренным исламизмом, запустила на Большом Ближнем Востоке процесс формирования постсекулярного геополитического массива в собственной редакции.

8. Кроме того, постсекулярность связана с глобальной антимодернизационной волной, реализуемой в форматах деятельного консерватизма, «нового традиционализма», порой – в обновленческой, спиритуалистичной либо фундаменталистской упаковке.

9. Происходящие события заставляют также пристальнее взглянуть в траектории инволюционных процессов, спорадически проявляющихся по мере хаотизации прежних форм организации общества. Задуматься о возможностях и сценариях развития химеричной, неоархаичной реальности распавшихся или несостоявшихся государств. Резкое возрастание численности населения планеты, развитие деструктивных процессов на территориях глубокого Юга, их контаминирующее воздействие на «большой социум» ведет к прогрессирующей девальвации жизни, коррупции цивилизационного ценза, генезису таких явлений, как «новый элитаризм», «мировой андеграунд», «культура смерти».

10. Попытки комплексного прогноза указывают на вероятность приближения человеческого универсума к состоянию своеобразной сингулярности – пороговому пункту на дорожной карте цивилизации.

Александр Неклесса (Alexander Neklessa). Руководитель Группы ИНТЕЛРОС. Председатель Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации, член бюро Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме Российской Академии наук (РАН). Заместитель генерального директора Института экономических стратегий при Отделении общественных наук РАН. Заведующий Лабораторией геоэкономических исследований (Лаборатория «Север-Юг») ИАФРАН (Отделение глобальных проблем и международных отношений РАН). Профессор кафедры геоэкономики Академии геополитических проблем.

Ранее возглавлял Синергетическую лабораторию НПО «СИНЛА» (АЦМИ), работал главным специалистом МВЭС РФ, управляющим Службы стратегического анализа МАПО «МИГ», экспертом-консультантом Директората стратегического планирования ВПК МАПО, научным руководителем Департамента стратегического развития ОАО «ГАО ВВЦ» и членом Комитета по стратегическому развитию при Совете директоров ОАО «ГАО ВВЦ», являлся членом аналитической группы Совета обороны РФ.

Автор/научный руководитель проектов СИНЛА/«Глобальная трансформация» (1984-1989), КАСКАД (1987), ЭКОЛАР (1988), «Камелот» (2004), «София» (2004), ВВЦ-2 /«Время-Вперед-Центр» (2009), «Феникс-К» (2010), «Большая Волхонка» (2011). Руководил Московским интеллектуальным клубом «Красная площадь», теоретическим семинаром «Глобальное сообщество» (Научный Совет «История мировой культуры»), междисциплинарным семинаром «SYNERGIA» (Центр проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования при ООН РАН). Вел еженедельную аналитическую программу «Будущее» (FINAM FM).

Действительный член Русского исторического общества, Философско-экономического ученого собрания МГУ им. М.В. Ломоносова, а также российских отделений Международной лиги стратегического управления, оценки и учета (ILSMAA), Всемирной федерации исследований будущего (WFSF). Член Международного редакционного совета журнала «Philosophical alternatives» («Философские альтернативы») Болгарской академии наук и редколлегий российских журналов «Азия и Африка сегодня», «ИНТЕЛРОС – Интеллектуальная Россия», «Проблемы развития», «Прогнозы и стратегии», «Экономические стратегии».

Автор приблизительно 600 публикаций по вопросам международных отношений, политологии, экономики, истории. Основные направления исследований: международные системы управления и тенденции глобального развития; стратегический анализ и планирование; геоэкономика; философия истории.

www.intelros.ru

neklessa@intelros.ru

И 875. Научный совет «История мировой культуры» при Президиуме РАН. Комиссия по социальным и культурным проблемам глобализации.